

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО СЛАВЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА *

Возможности изучения культурного единства, характерного для славян в средние века, вообще довольно разнообразны. Но настоящая статья основана главным образом на археологических данных. Археологический путь изучения является для этой темы основным, хотя и не единственным. Есть и другие пути, которых я здесь не касаюсь. Это, во-первых, этнографические ретроспективные заключения: они приводят к тем же выводам о былой культурной общности славянства. Во-вторых, наблюдения над славянской средневековой литературой: они тоже в этом отношении полезны, хотя и осложняются церковным характером этой литературы; ведь славянство в X в. разделилось конфессионально после разрыва между православием и католицизмом. Но данные этнографические и историко-литературные — данные косвенные. Археология позволяет изучать бывшее культурное единство более непосредственно. В этом отношении с археологическими материалами могут быть поставлены рядом только историко-религиозные материалы о славянском язычестве, их я коснусь в конце настоящей статьи.

Единство, которому эта статья посвящена, есть явление довольно позднее. Археология не подтвердила взглядов многих славистов, предполагавших праславянское единство чуть ли не в неолите. Исследователи, исходящие из концепции праязыков и пранародов, искали единые славянские культурные признаки в археологических материалах неолита, бронзового века и раннего железного века. Не находя их нигде, они объявляли неславянскими все пестрые и непохожие друг на друга археологические культуры тех областей, где позднее жили славяне. В конце-концов единственным логическим выводом было то, что славян загнали в болото.

Почему древнейшие славяне помещаются большинством исследователей, в том числе очень авторитетными археологами (славянскими и неславянскими), в Пинские болота и в прочие необитаемые и плохо обитаемые места? Потому, что там археологических материалов нет, больше некуда было славян поместить.

Славянский этногенез есть сближение племен, которые первоначально являлись разнородными по культуре. Это положение является неизбежным выводом из целого ряда исследований многих советских историков и археологов (А. Д. Удадьцов, М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др.). Этими авторами подтверждены теперь генетические связи, восходящие к славянству от чрезвычайно различных археологических культур. Поскольку мы эти выводы принимаем, от поисков праславянского единства в раннем железном веке приходится отказаться. Что общего между лужицкими городищами Средней Европы и дьяковскими городищами Восточной Европы, кроме, пожалуй, одинакового уровня развития? Все типологические признаки совсем разные. Еще больше будут различия, если мы привлечем поля погребальных урн или курганы скифов-пахарей, или древности иллирийских предшественников южных славян.

* Доложено на сессии по этногенезу славян в Институте этнографии АН СССР в декабре 1943 г.

Но археологические данные недостаточны, чтобы проследить, как шло это сближение различных племен, как шел славянский этногенез. В основном это вопрос лингвистический. Лингвисты когда-нибудь проследят параллельно протекавший у разных племен процесс глоттогенеза, возникновение славянского языкового единства. Оно является предпосылкой того культурного единства, которое стало таким замечательным в средние века. При наличии этой предпосылки, этого языкового единства, одинаковые культурные явления, одинаковые формы материальной культуры распространялись по волнам славянской речи по всей огромной славянской территории и всюду останавливались на грани чуждой языковой среды: германской, финской, тюркской и т. д.

Все эти общие формы не унаследованы из прародины, не унаследованы уже потому, что это — явления поздние, возникшие даже значительно позднее, чем письменные источники узнают славян. А до того мы таких общих форм не найдем нигде. И вообще по археологическим источникам, к сожалению, славяне прослеживаются позднее, чем по источникам письменным. Это не соответствует тем надеждам, которые многие историки возлагают на археологию, но пока что мы, археологи, вынуждены это признать.

В самом деле, к I в. восходят первые надежные письменные известия о славянах, римские; ведь теперь никто не сомневается, что Плиний и Тацит называют славян венетами. К VI в. известия о славянах уже довольно обильны, преимущественно у византийских авторов. В археологии этого нет. Почему же археология умеет пока определять с необходимой научной точностью только сравнительно поздних славян?

Тут виновато одно обстоятельство — отсутствие погребальной традиции. Основой этнических определений в археологии везде является погребение. Сортируя погребальные инвентари и сопоставляя их серии, археологи устанавливают лучше всего различия между племенами. Здесь необходим количественный критерий, необходима, так сказать, единица измерения, а таковой может быть только погребение, могила. В серии погребений надо проследить однородные признаки, чтобы затем установить этнический их характер. 10—20—100 погребений славянских можно отличить от 10—20—100 погребений иноплеменных.

Жилые слои не содержат таких статистических единиц и поэтому для этнических определений сами по себе почти немы; их этническая принадлежность вообще определяется сопоставлением их инвентаря с инвентарем синхроничных могил. Итак, все предметы материальной культуры могут стать в археологии племенными признаками только при наличии погребений. Но этого мало, погребальные обряды и сами по себе являются такими признаками.

Ни в Западной, ни в Восточной Европе в первой половине I тысячелетия н. э. нет погребений в тех областях, где можно ожидать славян. Явление это можно объяснить теперь в свете известных раскопок П. Н. Третьякова 1934—1935 гг. в Березняках; надо предполагать, что древние славяне складывали в погребальных домиках сожженные кости. Пережитки этого обряда описаны русской летописью. Он не оставляет, как правило, для археологов ничего.

Только с VI в. кое-где можно проследить в славянских землях непрерывную погребальную традицию, и только с VI в. археологам известны славянские погребения, но далеко не всюду. Преимущественно это курганы с трупосожжениями и довольно скудным инвентарем. В земле новгородских славян сюда относятся сопки, в земле кривичей (верховья Волги, Днепра и Западной Двины) — длинные курганы, в Чехии — ранние курганы славян. Иной облик имеют в то же время (VI, VII вв. и позднее) в Словакии могильники ракузского типа, где славяне похоронены вперемежку с аварами.

В других странах славяне VI, VII и VIII вв. попрежнему неопределены из-за отсутствия надежных погребений. Это относится к полабско-балтийским областям, Польше, Балканам, Украине и т. д.

Но и в тех областях, где славяне того времени определены, культуру их изучать трудно. Сопки, длинные курганы и ранние чешские курганы для этого слишком бедны. Этнически они определяются по погребальным обрядам и отчасти по керамике. Керамика эта очень простая и широко распространенная, аналогии ей можно найти и у неславянских народов, но археологическое значение имеет генетическая связь этой керамики с позднейшей характерной керамикой славян. Что касается ракузских могильников, в них вещей много, но там славяне сильно смешаны с соседями.

Только с X в. славяне всюду археологически ясны. Этот век оставил нам огромное количество славянских древностей, они повсеместно сходны. Тогда уже существовало то замечательное культурное единство славян, которое прослеживается археологией. Это культурное единство славян должно быть рассмотрено по различным археологическим категориям, но начать надо с керамики.

Мы, археологи, обычно начинаем с керамики, а многие специалисты по неолиту или по античности даже почти целиком посвящают свои исследования глиняной посуде. Это закономерно: керамика благодаря ее обилию дает надежнейшие статистические основания для разнообразных научных выводов. Например, она является лучшим показателем относительного культурного уровня всех племен и народов, показателем подъема и упадка культуры. Культурное единство тоже лучше всего прослеживается по керамике. Так, например, именно ею прежде всего руководствуются археологи при установлении маленьких культурных единств первобытности.

По славянской керамике прослеживается такое огромное культурное единство, примеров какого мы вообще мало найдем в истории. Во всяком случае, в средневековой Европе второго такого большого керамического ареала нет нигде.

Определили впервые славянскую керамику чешские и немецкие археологи в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века. Определили они ее верно в том смысле, что известный сорт керамики правильно отделялся от германской, литовской и итальянской; у нас с таким же успехом он отделяется от тюркской, чудской, византийской и какой угодно. Но выделяющий признак был определен сначала совершенно неправильно: таковым сочли волнистый орнамент. Доныне большинство чешских и немецких археологов при описании славянской керамики особое внимание уделяют этому случайному признаку.

Прежде всего, если даже говорить только об орнаментике, дело не только в волнистом орнаменте. Гораздо чаще встречается линейный, а также сочетание линейного и волнистого. Но и такая характеристика недостаточна. Линейный и волнистый орнаменты технологически обусловлены и распространялись у многих народов вместе с гончарным кругом. Но в Европе проще всего их вывести из позднеримской провинциальной керамики. Оттуда многие археологи и выводили славянскую керамику. Однако дело не только и не столько в орнаментике, сколько в профиле.

Профиль таков: нижняя часть в виде усеченного конуса (конечно, вершиной вниз), выше середины характерная выпуклость плеч, затем резкий отгиб назад, еще выше пухлый, сильно отогнутый вперед венчик. Славянская керамика легко определяется всюду по этим признакам на-глаз, независимо от орнамента. Впрочем, нарезные орнаменты покрывают ее почти обязательно: чаще всего линейный, затем волнистый, затем зубчатый. На днищах часты гончарные клейма. Ни ручек,

ни ушек обычно нет. Профиль одинаков, независимо от того, имеем ли мы дело с высоким горшком, с низким горшком или с широкой миской. Вся керамика этого рода сделана на гончарном круге¹.

Эта керамика всюду совпадает с областью расселения славян. От Лабы и Дуная до Волхова, Волги, Оки и Кубани горшки X, XI, XII и XIII вв. настолько однородны, что фотографиями западноевропейской керамики можно бы подменить иллюстрации при издании керамики восточноевропейской и наоборот. Никто не заметил бы такой подмены. Славянская глиняная посуда легко отличается от посуды всех соседних народов, даже если они живут попеременно со славянами, что наблюдалось, например, на русско-мордовской границе или на чешско-немецкой.

Время распространения этой керамики более или менее установлено. Она решительно преобладает в известных богатых Гнездовских курганах дружинников под Смоленском, а курганы эти в основной массе датируются началом X в. по монетам².

В Новгороде и в Киеве, судя по последним раскопкам, эта керамика появляется в IX в., а в X в. уже господствует безраздельно. До IX в. ее нет нигде. Распространение ее у славян вообще совпадает с распространением гончарного круга. Только в землях южных славян гончарный круг применялся издревле, задолго до возникновения славянства, но рассматриваемая общеславянская керамика распространяется в IX в. и у них.

Западные славяне немного отставали в своем развитии от восточных, одним из доказательств этого является глиняная посуда. В Чехии дата распространения гончарного круга и общеславянской керамики около 1000 г.³, у балтийских славян — XI в.⁴

Гончарный круг всюду распространяется вместе с гончарным ремеслом. Он появился впервые у шумерийцев в IV тысячелетии до н. э., но проникал только к тем народам, у которых возникали ремесла. Сам по себе гончарный круг не заимствуется. Но применявшие его гончары подражают, конечно, друг другу больше, чем домашние хозяйки, изготовлявшие посуду до возникновения ремесел. Естественно, что гончары работали по однородным образцам. Они и сами переселялись в поисках работы с места на место, что содействовало распространению керамических образцов. Так, в славянских землях возобладали славянские профили и орнаменты посуды. Но они не проникали к другим народам, независимо от того, применяли или не применяли те гончарный круг. Ведь взаимные сношения и переселения ремесленников были только в пределах тех территорий, где они друг друга понимали и говорили на одном языке.

Итак, культурное единство устанавливается прежде всего по глиняным сосудам и их обломкам. Это статистически наиболее убедительно: сосудов этих найдены десятки тысяч, а обломков — десятки миллионов. Но и другие археологические признаки ведут к тем же выводам.

Я не буду говорить здесь о поразжающем сходстве облика славян-

¹ L. Niederle. Rukovet slovanske archeologie. Praha, 1931, S. 245—252; J. Cervinka. Slovane na Morave. Brno, 1928; J. Pic. Prehled oeske archeologie. Praha, 1908, S. 83—90; R. Beltz. Slaven. Ebert's Reallexikon. B. XII, Berlin, 1928, S. 263—265; C. Schuchhardt. Arkona, Rethra, Vineta. Berlin, 1926, S. 57, 58, 76; K. Strauss. Studien zur mittelalterlichen Keramik. Leipzig, 1923, S. 39—42; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска. П., 1902, стр. 101—114; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 89—95; Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. I, VI, VII и X.

² Сизов. Указ. соч., стр. 103 и 119.

³ Cervinka. Указ. соч., стр. 210.

⁴ Schuchhardt. Указ. соч., стр. 57.

Важная научная осторожность заставляет это сходство отбрасывать. Ведь оно обусловлено социально: у многих неславянских племен (в том числе у литовских и у чудских) городища имеют тот же облик.

Но в погребальных обрядах сходство отметить можно. Курганный обряд, впрочем, сам по себе мало говорит. Курганы были в средние века еще у скандинавов и у тюрков, но все же на таком огромном пространстве распространение курганов мы видим тогда только у славян, причем курганов однородных, сферических. Трупосожжение тоже известно у многих народов, но нигде оно не имеет такого подавляющего преобладания, как у славян VI—X вв., — западных и восточных одинаково. Большинство дошедших до нас славянских трूपосожжений относится к X в.

В начале XI в. у славян широко распространяется трूपосложение, — это некоторые археологи объясняли христианством. Едва ли это так. Курганные трूपоложения типичны для русской деревни XI, XII, XIII вв., а ее верность языческой религии известна. Еще показательнее, что тот же погребальный обряд характерен для поморских славян XI и XII вв., у которых даже города оставались языческими. Да если бы христианство влияло на погребальный ритуал, дело не ограничилось бы трूपоложением. Ведь православное и католическое духовенство повсеместно выступало против сооружения курганов и против обычая класть с покойниками вещи. Между тем именно с XI в. курганов стало больше, а их инвентарь стал богаче. Поэтому одновременная смена трूपосожжения трूपоложением у разнообразных племен западных и восточных славян не обусловлена церковными влияниями и является одним из признаков тесных культурных связей между этими племенами.

Но вернусь к вещам. Разные типы женских украшений являются, вообще говоря, надежными признаками отдельных славянских племен; но есть и типы общеславянские. В западной археологии особенно известны височные кольца с завитком в виде латинской буквы «S». Они наравне с керамикой помогают на западе установлению славянско-германских археологических границ. Они изобилуют в погребениях Чехии, Полабья, Поморья, Польши, Хорватии, Далмации и т. д. У русских славян эти височные кольца встречаются несколько реже, но все-таки тоже повсеместно: они неоднократно найдены в погребениях всех племен, в том числе кривичей, вятичей и новгородцев, до крайних восточных и северо-восточных пределов славянства⁵.

Затем надо отметить гривны — шейные обручи, полужгутовые, т. е. витые с припаянными пластинчатыми загнутыми концами. Большинство славяно-русских гривен именно таковы, этот тип представлен в городских кладах Киева, Новгорода, Владимира и Москвы и в курганах всех русских племен. Но столь же часты такие гривны на противоположном конце славянского мира, в кладах поморских славян⁶. Встречаются они и в других славянских землях, хотя и довольно редко. Объясняется это, повидимому, только тем, что кладов там меньше, а такая гривна — вещь дорогая и поэтому не встречается в погребениях западных славян; у них погребальный инвентарь вообще несколько беднее, чем у славян восточных.

Оружие труднее поддается этническим определениям, чем женские украшения. Мечи у всех славян, правда, были одинаковы, но это общеевропейские мечи того времени, сначала каролингских, потом капетингских типов. Примерно то же можно сказать и о других категориях оружия.

Из орудий труда имеют значение ножи. У славянских ножей (по-

⁵ Niederle. Указ. соч., стр. 186—188; Beltz. Указ. соч., стр. 253—259; Арциховский. Указ. соч., стр. 60—63.

⁶ Арциховский. Указ. соч., стр. 66—70; Beltz. Указ. соч., стр. 257.

лабских, чешских, русских и т. д. одинаково) спинки прямы, а лезвия изогнуты, в то время как у германских ножей наоборот⁷.

Затем надо отметить одно маленькое орудие — железное кресало для высекания огня. Имеются две формы кресал: овальная и калачевидная; обе они обильно представлены у различных племен западных и восточных славян. Овальные кресала, впрочем, имеются и у тюркских народов, но калачевидные могут считаться специфически славянской формой⁸. У германских народов кресал нет, их нет и у других западных и северных соседей славянства.

Наконец, можно отметить обилие гребней. В славянских жилищах они, пожалуй, чаще, чем в каких бы то ни было иных. Славянский гребень, чешский или поморский, новгородский или вятический, киевский или владимирский, довольно однотипен. Он короток и трапецевиден. С широкой стороны он редкий, с узкой стороны — частый; обычно он украшен циркульным орнаментом, составляющим разные комбинации глазков. Одно только можно было бы возразить против славянства этих гребней: они типичны и для волжских болгар. Но славянские элементы вообще заметны в материальной культуре этого народа, представители которого сами говорили арабам: «Мы народ смешанный из тюрков и славян». Такое смешение, пусть в разных пропорциях, было характерно для болгар и на Волге, и на Дунае.

Итак, археологические признаки позволяют предполагать тесные культурные связи, соединявшие в X—XIII вв. весь славянский мир от одного его края до другого. Иначе необъяснимы многие совпадения бытовых вещей во всех концах этого мира и только этого мира. Это дает основание говорить о культурном единстве огромного народа на огромной территории.

С XII—XIII вв. начинает нарастать обособление. Оно может быть прослежено и археологически, прежде всего опять-таки по керамике, затем и по остальным категориям материальной культуры. Обособление это понятно; исторические пути разных славянских народов значительно разошлись, и некоторые из них пережили тяжелые испытания: немецкое порабощение или монгольское разорение.

Но не только археология проследивает славянское культурное единство, другие источники дают нам право говорить о религиозном единстве славян. Это доказал Нидерле.

Религию имею в виду, конечно, языческую. Религиозное единство христианское ничего не доказывает, оно принесено извне, к тому же христианств было два: православие и католицизм. Общеправославным и общекатолическим однообразием было стерто первичное общеславянское единство религии. Но оно может быть теперь прослежено по различным письменным историческим источникам.

Славянское язычество было вообще двуслойно. Нижний слой составляли родовые и анимистические культы. Пережитки их обильны доныне, поскольку при всей своей архаичности они оказались живучее, чем более молодой культ славянских богов. Вообще эти архаические культы могут считаться общечеловеческими, но здесь надо отметить некоторые термины, одинаковые у разных славянских народов.

Вспомним, например, женские образы вод. Это — русалки и вилы; оба термина общеславянские. Русалки чаще упоминаются у восточных славян, вилы — у западных, но оба имени прослежены и на западе, и на востоке.

Верхний слой славянского язычества возник поздно и достиг расцвета именно к эпохе культурного сближения славян. Важен общеславянский характер великих богов, культ которых особенно развился к

⁷ Niederle. Указ. соч., стр. 232.

⁸ Niederle. Указ. соч., стр. 235—236.

Мы знаем пока трех общих богов. Первый бог — Перун, бог Киева и Новгорода, громовержец; значение его на Руси хорошо известно. Болгарский перевод Хроники Иоанна Малалы (I в.) заменяет греческого Зевса именем Перуна. У поморских славян бог, которого Саксон Грамматик в XII в. называет «Поренуций», является, вероятно, Перунич. У полабов четверг, день Юпитера, именуется по этимологическому словарю Миклошича «перундан». Второй бог — Сварог, бог кузнец. Кузнец у всех народов железного века почитался на Олимпе. У нас Ипатьевская летопись говорит, что Сварог — это Гефест. Эмблема Сварога — клещи. Сварожичем назывался огонь, как сообщает русское церковное поучение «Слово некоего христолюбца». Но тот же Сварожич почитался и у поморских славян. Титмар Мерзебургский сообщает в начале XI в., что Ретра, где собирались на вече лютичи, была укрепленным святилищем, и там стояли статуи богов, главный из которых именовался Сварожич. Третий бог — Велес, бог Киева и Ростова, бог поэзии в «Слове о Полку Игореве»; значение его на Руси довольно известно. Он был богом и в Чехии, судя по позднейшей традиции: его упоминают ранние чешские писатели, в XV в. — автор диалога «Ткадлечек», в XVI в. — Ресель и Гайек. Впрочем, для них это уже, конечно, не бог, а злой дух; такова обычная участь отвергнутых богов.

Культе Перуна, Сварога и Велеса возник, очевидно, до X в., но едва ли значительно раньше. Когда при распаде родовых отношений пестрые родовые божества были возглавлены великими богами, важнейшие из этих богов стали почитаться на огромном пространстве от Лабы до Волги: настолько цельно было тогда в культурном отношении славянство.